

Дитлоф ван Вармело
В коммандо

12+

Дитлоф ван Вармело В командо

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63565041

SelfPub; 2020

Аннотация

Дневник участника англо-бурской войны, показывающий ее изнанку – трудности, лишения, страдания народа.

Дитлоф ван Вармело

В коммандо

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга была написана в 1901 году, когда ее автор был пленным в Ахмаднагаре. Она была написана на голландском языке и переведена на английский молодой особой, проживающей в бывшем Оранжевом Свободном Государстве.

Автор – мой друг и родственник, сын священнослужителя из Трансвааля, происходит со стороны обоих родителей из старых африканерских семейств. Его книга представляет большую ценность из-за отсутствия каких-либо претензий на литературность, и может показать, что такое настоящий африканер, о чем в Англии существует очень искаженное представление.

ФРЕДЕРИКА ВАН ИДЕН

ВАЛДЕН, ГОЛЛАНДИЯ,
Июль 1902

ПРЕДИСЛОВИЕ

Если бы я знал, что война продлится так долго, я бы с самого начала стал вести дневник. Он помог бы мне вернуть приятные воспоминания о прошлых днях и помог бы тем, кто попросил меня записать воспоминания о своих приключениях.

Мне часто приходило в голову начать вести дневник, но я был вынужден оставить эту затею, потому что моя одежда иногда так промокала, что записи в моем кармане невозможно было бы прочитать. Позже, когда одежда изнасилась и карманы прохудились, я часто оказывался в неприятной ситуации, что заставляло меня вспоминать одного дурака, который после поездки в Коканье жаловался королю: «Мы скакали сломя голову, и все вывалилось в эту маленькую дырочку!» Так что теперь я должен описать свои приключения по памяти, поэтому некоторые даты, цифры и названия мест будут отсутствовать. Причина этому та, что я, будучи в чужой стране, заключенным в форте...в... и отрезанным от мира, не имея доступа к новостям, должен ограничиться только собственными воспоминаниями. И, наконец, я должен принести извинения моим читателям, что я так часто должен говорить о себе самом и моих друзьях; но в таком рассказе это неизбежно.

Я вкратце расскажу о первой части моей жизни в коммандо. Если моя память будет меня подводить – что не очень

вероятно, поскольку я все еще имею живое воспоминание о событиях – я буду благодарен за поправки.

Июль 1901.

I

. На границе – Вторжение в Наталь – Данди – Ледисмит

Когда та часть коммандо города Претории, в которую входили мы с моим братом Фрицем, отправилась на границу с Наталем 30 сентября 1899 года, все мы были в восторженном настроении, что было видно по нашим новым костюмам, начищенному оружию и гладким лошадям. Много дам прибыли на станцию, чтобы проводить нас, и мы гордились тем, что можем бороться за свою страну. Наш отъезд казался тогда нам большим событием, ведь мы были неопытны в военном деле. Мы еще не узнали, что можно пройти невредимым через много жестоких сражений. Мы ничего не знали об отступлении, но знали все о враге, с которым мы должны были столкнуться. Мы представляли, что произойдет несколько сражений, и что в этих сражениях будут убиты многие из наших мужчин, и поэтому расставание с родственниками и друзьями было действительно грустным.

Наш фельдкорнет, Тэйт Марэ, сказал, что нам ничего не

нужно, кроме провизии на день или два, потому что мы правительство снабдит нас всем необходимым в Зандспруйте, где должны были сконцентрироваться коммандо; так что многие из нас не взяли ни горшков, ни кастрюль, ни кружек.

Какое же разочарование постигло нас по прибытию в Зандспруйт, когда оказалось, что там не было никаких палаток, и вообще ничего! Таким образом, мы были вынуждены начать жизнь в коммандо на открытом воздухе и имея очень скудные запасы продовольствия. Днем нам пришлось искать лошадей –они затерялись среди тысяч других и в глазах неопытного горожанина были неотличимы от остальных. Пришлось бегать, искать их, смотреть тавро, пока самые глупые не догадались привязать им на шею ленты, по которым их сразу было видно, а один даже привязал своей лошади на морду торбу, чтобы та не убежала.

Наконец все стало прибывать, но посуды еще не хватало, так что нельзя было даже выпить чашки кофе, пока не освободалась консервная банка с мясом или джемом.

Едва мы обустроились, срок ультиматума истек, и мы должны были пересечь границу с Наталем. Во главе нашего коммандо бал генерал Эрасмус. Мы провели ночь рядом с Волкрустом, было холодно, лил дождь и начался град. Те первые дни мы вряд ли забудем. Было мокро и холодно, а

мы еще не привыкли сами готовить еду и вообще заботиться о себе. К счастью, несколько дней спустя появилась возможность найти все необходимое в Ньюкасле.

Прежде, чем мы пересекли границу, генерал Эрасмус обратился к нам и рассказал нам новость о нашей первой победе – захвате бронепоезда в Краайпане; тогда мы еще ликовали по столь незначительному поводу. Кроме того, в те дни, мы все еще смотрели на наших лидеров с большим уважением.

Преподобный Постма, который всюду сопровождал нас, постоянно молился и от нас требовал того же. Не один из бюргеров, кажется, не знал, где находится враг. Мы продвигались медленно и осторожно, поскольку ожидали встречи с врагом в любой момент; но не видели никаких признаков его присутствия, пока не прибыли в Данди. После отдыха в течение нескольких дней мы предприняли важную экспедицию в горы Данди, к северу от города.

К вечеру мы получили приказ быть готовыми в течение трех дней. В течение трех дней! А провизии у нас не было даже на день. Но мы понимали, что система снабжения пока еще не налажена, и боролись за нашу страну по доброй воле, убежденные в своей правоте, так что мы подготовились как надо.

Прежде, чем коммандо выступило, началась ужасная гроза, сменившаяся ровным дождем. Мы с трудом пробирались в темноте, обходя овраги, фермы и отдельные дома, продвигаясь зигзагами по большой дуге к горам Данди. Никакого звука не было слышно, кроме глухого стука копыт скачущих лошадей. Время от времени мы шептались друг другу, как мы удивим врага. Когда лошади внезапно остановились, и неопытный наездник, предчувствуя опасность, непреднамеренно сказал, что хочет остановиться, мы обернулись в его сторону и сердито назвали его предателем. Мы тогда еще не знали, что были далеко за пределом слышимости от врага. Дождь прекратился. К утру мы достигли гор, и после того, как мы с большим трудом завели лошадей наверх, нам пришлось ждать рассвета в холоде, и сырости, наша одежда промокла насквозь. Плащ при таком сильном дожде был почти бесполезен. Когда рассвело, мы повели лошадей еще выше. Стоял густой туман. Генерал Лукас Мейер должен был атаковать на западе, а мы должны были действовать против врага с гор.

Когда рев орудий объявил о начале сражения, мы были полны энтузиазма, но генерал Эрасмус запретил нам идти дальше прежде, чем поднимется туман. Было весьма возможно, что туман мог стоять только на вершинах гор, из-за их большой высоты, и что будет ясно, как только мы нач-

нем спускаться, поэтому несколько человек попросили генерала Эрасмуса разрешить им сходить на разведку. Но он был очень против этого, и сказал, что враг мог бы отрезать нам путь к отступлению и, что, «если враг окружит нас, с нами все будет кончено», сказал он. Как только рев орудий прекратился, мы отошли немного вглубь гор, чтобы позволить лошадям поспастись. Но едва мы расседлали их, как со всех сторон раздались крики: «В седла! В седла!», и слева из долины донеслись звуки стрельбы. Отряд в 250 англичан, вероятно не догадываясь о нашем присутствии, попытался обойти вокруг горы и напасть на Лукаса Мейера с тыла, но был вынужден сдаться через несколько минут, сначала попытавшись укрыться в краале около дома.

Мы оставались три дня в горах Данди, и в течение всего этого времени шел непрерывный дождь, перемежающийся градом и ветром. Однажды, когда на несколько часов прояснилось, мы получили приказ напасть на город, но снова пошел дождь, и всю ту ночь мы должны были провести на своих позициях при сильном холоде, не имея укрытия. К счастью, той же ночью враг оставил свой лагерь и когда мы смотрели вниз на город следующим утром, хаки исчезли. Мы же только накануне смогли установить орудие, направленное на лагерь.

Когда мы возвратились к нашим седлам, лошади разбре-

лись, так что потребовался почти весь день, чтобы их собрать. Мой дядя, Пол Марэ, бывший прежде членом фольксраада от Заутпансберга, накормил нас жареной кукурузой – это было первое, что мы получили от коммандо, и мы поели с большим удовольствием.

Тем временем коммандо ушло. Мы последовали за ним и вошли в Данди, где помогли сами себе обзавестись хорошими вещами из магазинов, до которых остальное коммандо пока не добралось.

Такой грабеж – неизбежное зло. Всегда есть начальники и подчиненные, и когда коммандо попадает в дом или на ферму, которая уже была ограблена, они продолжают грабеж, потому что это нужно им для того, чтобы воевать. Так мы рассуждали, и тоже участвовали в грабеже. К чести наших бюргеров я могу сказать, что вначале намерения разграбить город не было, и были попытки это предотвратить. Основную ответственность за это несут уитлендеры их низших слоев, которые присоединились к нам не по убеждению, а только чтобы иметь возможность захватить добычу, и именно они на них лежит ответственность за дурную славу, которую распространяли о нас люди, не знавшие истинного положения вещей. То же самое касалось воровства. Если кто-то терял лошадь, искать ее следовало только у ирландцев или у других уитлендеров, и иногда он не мог признать свою лошадь,

потому что воры подрезали ей гриву и хвост. Не стану говорить, что сами мы были без греха. Бывало и так, что бур оставлял уитлендеру свою клячу в обмен на его чистокровную лошадь, потому что для бура лошадь – это все. Правда и то, что лишь немногие из людей защищены от деморализующего влияния войны, и я не стану отрицать, что война показала не самые лучшие наши стороны; но все же я не буду в своем рассказе выставлять в дурном свете своих товарищей, ведь мир и так отвернулся от нас, поскольку мы не оправдали его ожиданий.

После нашего отъезда из Данди грабеж беспрепятственно продолжался. Уже тогда мы начали замечать опустошения, которые являются непоправимым последствием войны. Здесь и там дома были полностью разграблены. На станции Гленко я вошел в дом начальника станции – хорошо устроенный, уютный дом, с красивыми картинами, книгами, зеркалами. Некоторые массивные серебряные кружки и другие ценные вещи валялись на полу. Семья только что обедала, поскольку скатерть все еще лежала на столе. Я поел то, что было на столе, написал письмо домой ручкой и чернилами, которые нашел там же, и оставил дом. Позже, когда я возвратился, все было полностью разграблено, а некоторые зеркала разбиты. В окрестностях было много всякого сброда, в том числе кафров и кули, и, судя по всему, это была их работа.

Когда наше коммандо оставило Данди, чтобы переместиться в направлении Ледисмита, часть коммандо из Претории послали, чтобы подкрепить Лукаса Мейера, который должен был следовать за войсками, бегущими из Данди, со своим коммандо. Мой брат и я пошли с ними. В это время началась ужасная гроза, и в течение всего марша к Ледисмиту шел сильный дождь. В любой момент мы ожидали увидеть неприятельские войска, но они сильно оторвались от нас, и мы их так и не настигли. Мы опять опоздали. Один английский генерал сказал, что буры храбры и могут придумать хороший план, но – на двадцать четыре часа позже, чем нужно. Это можно объяснить тем, что мы были приучены воевать против кафров, которые прятались в лесах или горах, и против них мы должны были двигаться с предельной осторожностью, чтобы кто-нибудь преждевременно не расстался с жизнью. Поэтому и в начале этой войны мы были очень осторожны. Мы не пошли бы на большие жертвы, чтобы выиграть сражение.

30 октября мы находились при Лукасе Мейере во время сражения у Ледисмита, но мы в нем не принимали участия, потому что нашей задачей было прикрывать позиции от нападения с тыла. На нас враг не напал, если не считать нескольких случайных снарядов. Потом англичане потерпели тяжелое поражение у Моддерспруйта и вынуждены были поспешно отступить. С нашей позиции мы видели, как среди

бегущих разрываются снаряды, они на мгновение терялись, но потом продолжали движение.

Тогда мы часто нуждались в еде. Нужно перенести голод, чтобы знать то, что это означает. В нескольких сумках я нашел несколько бисквитов, которые сперва раскрошились, а потом размокли в кашу от дождя и лошадиного пота. Когда голод становился невыносимым, я добавлял туда немного сахара и с удовольствием съедал.

Несколько дней спустя мы оставили Лукаса Мейера и возвратились к нашему командо, которое тем временем переместилось к северу от Ледисмита. В течение нашего отсутствия Зедерберг вместо Мелта Марэ стал фельдкорнетом.

II. Осада Ледисмита-Сражения при Роойрандъес – Подрыв орудия

Когда мы окружили город и началась осада, все разговоры о бананах, которые мы скоро будем есть на юге Наталя, закончились сами собой.

Ледисмит вообще не должен был быть осажден. 30 октября мы должны были использовать наше преимущество. Если бы мы преследовали врага, идя за ним по пятам, когда он бежал в полном беспорядке, мы должны были, по всей вероятности, легко взять позиции, что повлекло бы немедленную сдачу города. Это стоило бы многих жизней, но все

же не столько, сколько было потеряно во время осады, и те люди, которые были заняты во время осады, могли бы быть использованы в других местах для нападения на врага. Мы же начали осаду, вместо того чтобы использовать свои преимущества. Тем временем враг использовал все возможности, чтобы укрепить свои позиции, а когда город уже был укреплен, большинство бюргеров было против того, чтобы брать его штурмом.

Коммандо города Претории и района Крокодайл-ривер заняли позицию, самую близкую к Ледисмиту. Это был холм на север от города, с плоской вершиной, окруженной каменной стеной. Во всей вероятности, эта ограда, имевшая в окружности примерно 500 шагов, использовалась как загон для скота. Напротив этого копые (холм с плоской вершиной) мы поставили свои палатки. Из нашего лагеря мы наблюдали за большой плоской горой, которую называли Маленькой Маюбой, потому что там 30 октября впервые было захвачено много пленных. У подножия нашего холма проходил овраг, а за ним, на расстоянии примерно в 1000 шагов, возвышался другой продолговатый холм, занятый врагом. Этот холм мы называли Роойрандъес (Красный хребет).

8 ноября мы получили приказ от нашего генерала атаковать Роойрандъес на следующий день. Нас были приблизительно 250 человек, и мы не сомневались в успехе, поскольку

ку эта позиция еще не была укреплена. На горе с правой стороны от нас было установлено орудие, которое должно было на рассвете начать обстрел позиций врага. Приказ гласил, что наш фельдкорнет должен был быть у подножия Роойрандъеса со своими людьми перед рассветом. Но что-то снова пошло не так, как надо, и было уже совсем светло, когда мы достигли оврага. Мы оказались на расстоянии приблизительно 700 шагов от Роойрандъеса, и должны были пересечь открытое пространство, если бы все еще желали штурмовать позицию. Часовые врага уже начали стрелять по нам.

Капралы позволили своим людям наступать в группах по четыре человека от оврага до копые, используя термитники как укрытие, за которым можно залечь. Наша очередь была последней, но тем временем враг получил подкрепление, а самые близкие термитники были почти все заняты, так, что одновременно могли пойти только трое. На нас обрушился такой ливень пуль, что мы только чудом остались живы. К счастью, я нашел свободный термитник. Мой брат должен был разделить еще один с товарищем.

Наконец орудие с горы выпустило несколько снарядов, но почти сразу снова замолкло – почему, я не знаю, поэтому мы должны были обязаны продолжать лежать на своих позициях. Было очень жарко, на небе ни облачка. Мы ужасно страдали от жажды, и едва могли двинуться, чтобы достать

флягу с водой. Один из наших товарищей позади меня застонал. У него были прострелены обе ноги. Пули продолжали пролетать над нашими головами к копье за нашей спиной, где некоторые из наших бюргеров продолжали стрелять по врагу. Время от времени рядом с нами пуля взрывалась с шумом пистолетного выстрела. Я предполагаю, что такой специфический звук издают только пули дум-дум. Мы уже видели много таких пуль, отнятых у врага нашими бюргерами в сражении при Моддерспруйте. Другой бюргер, Малдер, пробежал мимо меня с улыбкой на губах, упал позади муравейника и немедленно снова вскочил, намереваясь присоединиться к тем из наших в передних рядах, которые сидели, спокойно покуривая позади небольшой кучи камней под деревом, но не прошел и двух шагов, как был ранен в бедро. Там ему пришлось лежать и стонать, пока храбрый Рейнеке, который позднее погиб на Спионскопе, не смог его унести.

Некоторые из нас заснули от усталости. Один из наших проснулся, услышав свист пули рядом со своей головой, и подумал, что англичане приблизились и стреляют по нему с фланга. Подняв голову, он обнаружил, что откатился далеко от укрытия. Тут же он был снова за термитником, и стрелять по нему перестали. Нам повезло, что англичане не отличались меткостью стрельбы, иначе немногие из нас остались бы в живых, чтобы рассказать обо всем этом.

Когда наше орудие, наконец, к вечеру снова открыло огонь по врагу, обстрел почти прекратился, и мы использовали эту возможность, чтобы вернуться к оврагу. Мы пролежали за термитниками девять часов, и, как ни странно, у нас было только двое раненых. Мы решили больше не рисковать. Мы потеряли веру в братьев Эразмусов, генерала и команданта, которые, во-первых, оказались неспособными составить хороший план атаки, и, во-вторых, никогда сами не принимали участия в сражении.

Месяцы, проведенные рядом с Ледисмитом, были для большинства из нас самыми утомительными за всю войну. Делать было практически нечего, а жара среди раскаленных солнцем каменистых холмов была ужасна. Единственное наше занятие было не из приятных и заключалось в основном в несении караульной службы днем или ночью. Вначале это было особенно тяжело. Позднее мы должны были подниматься на копые по вечерам, сменяя друг друга, чтобы проводить там долгие ночи, причем наши пустые палатки были совсем недалеко за нашими спинами.

Когда утром мы возвращались со скатками на спине, смертельно уставшие, то просто шлепались на камень, и сидели, ожидая чашки кофе, или просто любовались прекрасным пейзажем или, по настроению, сидели в грязном лагере и обменивались шутками с соседями. Когда постоянно на-

ходишься на чеку, чувство опасности притупляется. Нам намного больше нравится участвовать в перестрелках или патрулировании, чем просто сидеть на позициях. Для бурского характера несвойственно постоянно сидеть далеко от дома. Его очень скоро начинает тянуть домой, и в скором времени в нашем лагере вспыхнула эпидемия отпусков. Это была одна из причин, по которой враг смог прорваться сквозь наши позиции.

Из-за предвзятого отношения к людям со стороны офицеров многие буры отпуска не получали, другие получали очень редко, следствием чего были постоянные ссоры. С другой стороны, многие бюргеры получали отпуск и иногда не возвращались из него – с ведома офицеров или без оного. Поэтому неудивительно, что мы никогда не были в полном составе.

Все эти проблемы не давали генералам возможности осуществить их планы.

К счастью, многие бюргеры были здесь по своей воле, и если нужно было сражаться, они всегда добровольно шли в бой. Было примечательно, что те, кто был под началом способного генерала, дрались хорошо, в то время как те, кто был под началом плохого или неспособного генерала, сами были очень слабы. Иногда некоторые бюргеры, проявив инициати-

ву, творили настоящие чудеса. Иногда, чтобы скоротать время, мы играли в какие-нибудь игры, но особенно расслабиться нам не давали. Иногда, когда все лениво валялись на земле, раздавался сигнал тревоги. Нам приходилось вскакивать, искать лошадей, седлать их, разбирать оружие и патронташи. Но через некоторое время и к этому мы привыкли. Крик: «Англичане идут! По коням!» стал шуткой.

Когда мы не были заняты в охране, то сидели или лежали, слушая вечерние звуки и пение псалмов на соседних фермах. Иногда мы подтягивали. Особой музыкальностью мы не отличались.

Больше всего мы любили дневные часы. В это время нам часто выпадал случай пострелять по неосторожным англичанам на Роойрандъес. Некоторым из наших молодых ребят нравилось думать, что они находятся в постоянной опасности. Время от времени над нашими головами пролетал снаряд, что вызывало приступы хохота у целого командо, прятавшегося среди камней.

Тогда мы все еще чувствовали, что настоящая война еще предстоит. Когда, некоторое время после нашего нападения на Роойрандъес, мы пошли на запад от Ледисмита, чтобы атаковать Платранд, мы чувствовали себя не в своей тарелке, хотя и вызвались добровольно. Это была прекрасная по-

ездка в темноте, галопом, но, когда мы прибыли а Платранд, оказалось, что там не собралось столько людей, сколько было нужно, и мы уехали обратно, довольные тем, что нам не пришлось идти в атаку. Разве мы сами не решили более не атаковать Роойрандъес?

Подрыв орудия в Ледисмите – один из эпизодов войны, который мы вспоминаем с чувством позора. Спустя несколько дней после того, как «Длинный Том¹» был взорван на холме Умбулвана, к востоку от Ледисмита, я предупредил нашего фельдкорнета, что враг по ночам активно шпионит рядом с нашим расположением. Будучи в карауле, мы могли отчетливо слышать скрип седел и ржание лошадей перед нами. Я предсказал повторение того, что случилось на Умбулване. Фельдкорнет обещал, что этой ночью охрана будет удвоена. Утром те из нас, кто не был в карауле, были разбужены громким криком 'Ура!' из глоток нескольких сотен англичан, которые взорвали два орудия на горе справа от нас, совсем рядом с нами. Мы побежали к своим позициям, спотыкаясь и запинаясь за камни и падая, не зная, что делать, и ожидая хаки в любой момент. Это был первый раз, когда мы стали свидетелями ночного боя, и это было жутко. Мы видели вспышки от выстрелов и от разрывающихся пуль, слышали грохот выстрелов и крик, но не могли участвовать в сражении, так как нам восьмерым не разрешили оставить свои положения. Время от времени пуля падали рядом с нами, а артиллерия

Свободного Государства, расположенная на горах справа от нас, стреляла по врагу, едва не задевая нас в темноте.

Когда рассвело, мы пошли, чтобы посмотреть на мертвых и раненых, возможно из чувства бравადы, возможно чтобы привыкнуть к их виду. Храбрый враг дорого заплатил за эту операцию. Число своих убитых и раненых англичане знали лучше нас, потому что имели достаточно времени, чтобы унести их с собой. У нас было только четверо убитых и несколько раненых. Среди убитых были Нимейер, получивший несколько штыковых ранений, ван Зил и Вильерс. Потт был тяжело ранен.

После этого мы были, конечно, вдвойне осторожны. Мы так никогда и не выяснили, на ком из часовых лежала ответственность за эту неудачу. Обвинялись в этом Купер и Тоссель. Их арестовали и послали для разбирательства в Преторию, но и там следствие ничего не выяснило. Есть основания считать, что наши бюргеры под Ледисмитом не раз были виновны в предательстве. Правительству с самого начала следовало бы принять строгие меры против предателей и шпионов.

Спустя несколько дней после взрыв орудия я растянул левое колено, которое уже повредил еще до начала войны. Генерал Эрасмус дал мне отпуск на неограниченное время,

чтобы я мог поехать домой. По пути домой я обогнал, не зная об этом, моего брата Виллема. Он приехал из Голландии, где учился, чтобы принять участие в войне.

Какая была встреча с родственниками и друзьями! Как много надо было рассказать! Тогда еще перемен было не так много, а сколько могут теперь рассказать родственникам буры, вернувшиеся из дальних стран! Будет, увы, много горя, потому что многие погибнут на той войне, и многие пожертвуют жизнью за свою страну!

III. Восьмидневное сражение при Тугеле – Разговоры о вмешательстве – Освобождение Ледисмита

Прежде, чем мое колено было окончательно вылечено, я возвратился к Ледисмиту. Первым, что попало мне на глаза по возвращению в лагерь, был воздушный шар, висевший в небе над Ледисмитом. Он выглядел, как большой крокодилий глаз, потому что казалось, что он следит за всеми моими движениями. Когда я ходил, чтобы найти лошадь или принести воды, он стоял высоко в небе, и у меня было ощущение, что он следит только за мной, и казалось, что в любой момент на меня упадет снаряд.

Мы никогда не видели столько мух, сколько их было под Ледисмитом. Есть нужно было очень быстро, потому что они делали процесс еды почти невозможным. К счастью, я пробыл там недолго, как к концу января 1900 года часть нашего

коммандо, включая моего брата и меня, была послана к Тугеле в качестве подкрепления. Пути туда было четыре с половиной часа, и дорога была трудной, потому что враг пытался перерезать нам путь. Прибыли мы в тот же день, спустя всего два дня после того, как враг попытался обойти Спионоскоп с правой стороны и потерпел поражение. Приближаясь к высоким горам рядом с Тугелой, мы слышали все более отчетливый шум винтовочных выстрелов, прерываемых ревом орудий и стрекотом наших «пом-помов²», которые заставляли наши сердца трепетать, а сердца наших врагов сжиматься от ужаса. Поскольку мы мчались вдоль подножия гор, пули, которыми враг осыпал верхнюю часть горы, чтобы прижать буров к земле, поднимали пыль вокруг нас.

На следующее утро мы пошли, чтобы залечь в окоп, который был вырыт нашими на возвышении справа от Спионоскопа. Накануне там были ранены восемь бюргеров. Фельдкорнетом был Рэд Дэнни Опперман. Недалеко слева от нас стояло несколько наших орудий, а перед нами, тоже слева, на длинном склоне горы, мы видели четырнадцать вражеских. Прямо перед нами рос большой лес, а рядом с ним располагался английский лагерь. Мы видели, что враг перемещается большими плотными квадратными массами. День был ужасно жарким, а мы должны были целый день лежать в окопе, потому что враг целый день обстреливал нас с небольших позиций, которые были перед нами на расстоянии в 1500 ша-

гов, и снаряды все время взрывались над нашими головами. Начиненные лиддитом снаряды, от взрывов которых все сотрясалось, равномерно летели со стороны леса в сторону нашей батареи слева от нас, но только часть нашего окопа (где, по счастью, в тот момент никого не было) была разрушена.

Всякий раз, когда наступала недолгая пауза, мы поднимали головы над краем траншеи, чтобы взглянуть на прекрасный окружающий пейзаж и на позиции врага. В тот день никто из нас не был ранен. Только артиллерия пострадала. Едва несколько наших орудий рискнули обнаружить себя, восемь или больше снарядов, один за другим, заставили их замолчать. Рядом со мной лежал человек, слуга которого, беспокойный, нетерпеливый бушмен, фамильярно называл его Джонни. Бушмен непрерывно ходил туда-сюда к своему «приятелю», который лежал за камнем рядом с нами. Однажды, при одном из его посещений «приятеля», пуля ударила в землю рядом с его пяткой. Он остановился, не спеша провёл взглядом от пятки до врага и серьезно сказал: «Будьте вы прокляты, англичане!» и спокойно продолжил свой путь.

Справа от нашей позиции было открытое место, почти в одном уровне с окружающей местностью, но заканчивающееся крутым склоном приблизительно в 900 шагах далее. Туда мы пошли к вечеру с подкреплением коммандо Претории, которое следовало за нами. Фельдкорнет построил нас

в шеренги, и отсчитал сорок человек, которые должны были этой ночью выкопать окоп. Следующей ночью их сменили бы остальные. Мы с братом были в первой группе. К утру, когда мы все еще рыли окопы, по всей линии фронта был открыт огонь. Мы решили, что нас атакуют, и забились в узкие окопы. Но поскольку атака не начиналась, а пули летели высоко над нашими головами, мы продолжали рыть до рассвета. Тогда мы заметили, что враг залег в окопы приблизительно в 800 шагах от нас. Мы сделали по ним несколько выстрелов, но потом решили сберечь боеприпасы на случай возможного штурма.

Весь этот день и два последующих нас постоянно обстреливали. Пули пролетали над нашими головами, как зяблики, и не причиняли нам вреда, но мы должны были опасаться снайперов, которые иногда едва не задевали нас. В тот день (24 января), произошло славное сражение при Спиноскопе, где наши бюргеры, будучи застигнутыми врасплох и вынужденными отступить с холма, после упорного сражения вынудили врага снова его оставить. Буры из Претории, которые должны были сменить нас, принимали в этом сражении активное участие. Рейнеке, Йеппе, Малерб, де Вильерс и Оливье были убиты. Ихриг был тяжело ранен.

Целый день мы лежали, слушая звуки сражения, поскольку не могли спать. Мы должны были провести в окопе три

дня и четыре ночи прежде, чем мы были свободны. Воду и еду нам приносили, или же наши люди сами ходили за этим по ночам, поскольку днем мы не рисковали покидать окопы. Мы были в безопасности, потому что окоп хорошо защищал нас от снарядов, если вовремя пригнуться. Следующим утром нам сообщили новость о том, что враг оставил всю линию фронта и отступил в направлении Чивили.

Сражение у Тугелы длилось восемь дней.

Я снова повредил колено, и должен был уехать от Ледисмита в Преторию, откуда отправился в Уормбад в Ватерберге, чтобы остаться там в течение нескольких недель с госпожой Клеин-Фрайкки Гроблер, которая приняла меня очень доброжелательно. Мой брат Фриц тогда же впервые получил отпуск, а Виллем оставался в Ледисмите. В течение моего отсутствия англичане прорвались в районе Питерс Хайтс, где Виллем был взят в плен, а Люттиг, Малерб и Стюарт де Виллирс были убиты. Тем временем Фриц с некоторыми другими преторийцами отправились, в Оранжевую Республику, где враг окружил генерала Кронье.

С самого начала осады наши бюргеры всегда думали, что город скоро падет. «Хаки не могут долго протянуть! У них нет продовольствия, а боеприпасы должны закончиться! Буллер никогда не может пересечь Тугелу, наши пози-

ции слишком хороши! Какая разница, что я в отпуске? Хаки не пройдут!» Так думало большинство бюргеров, и если кто-то пытался указать, что враг может прорваться, потому что многие из нас не выполняют свой долг, ему не верили или обвиняли в предательстве. Тем временем первоначальный энтузиазм постепенно заглох. Бюргеры сидели в лагерях или разошлись по домам, надеясь на немногих оставшихся, которых в конце концов оказалось недостаточно, чтобы противостоять подавляющей силе Буллера, которую он сосредоточил в одном месте, чтобы любой ценой прорвать наши позиции.

Никаких отпусков во время войны нельзя было предоставлять, и я также могу добавить (хотя мой рассказ не претендует на то, чтобы быть историей этой войны) что все это усиливалось некомпетентностью наших генералов и деморализующим действием кумовства и личных интересов. Нам следовало отправить свои силы в Капскую колонию, чтобы получить помощь от наших братьев в этой войне, которую нам навязала Англия. Жившие там африканеры не имели возможности помочь нам, потому что у них не было оружия и боеприпасов, и мы не протягивали им руки. Не имея помощи от наших сил, они не могли самостоятельно поднять восстание, потому что в случае неудачи сильно рисковали потерять все свое имущество в результате конфискации.

Мы должны были пострадать — мы сами заслужили это своим поведением. Наш враг, как волна, прорвавшая дамбу, разрушил наши дома, опустошил наши поля, и доставил нам бесконечные страдания. Помимо этого, на боеспособность коммандо оказывали сильное влияние разговоры о вмешательстве третьих держав. В нашем коммандо, которое в значительной степени состояло из неосведомленных людей, пересказывались самые странные истории. Одна из них была о том, что русские высадились где-то в Южной Африке со 100 орудиями. Постоянно возникали слухи о большой европейской войне, которая вот-вот начнется, и последствием этого было то, что буры рассчитывали на вмешательство или помощь от других государств, вместо того, чтобы надеяться на собственные силы и упорство. Самые разумные из нас говорили о том, что все это ерунда. Ни для кого не было большого интереса в том, чтобы вмешиваться в дела Южной Африки, и не было и никакого разумного оправдания, потому что Чемберлен своим поведением сам вынудил нас стать агрессорами.

Война была неизбежна. Рано или поздно это должно было произойти. После рейда Джеймсона, который и был настоящим началом войны, трансваальское правительство признало опасность положения, в котором оно оказалось, будучи в полной изоляции, и поэтому было обязано вооружить себя самым современным оружием, прежде, чем заглохнет нена-

висть к англичанам, вызванная рейдом. Последствием рейда было то, что пропасть между бурами и англичанами стала шире, симпатия уитлендеров к нам стала сильнее, а партия африканеров (Бонд) укрепила свои позиции. Престиж Англии в Южной Африке был под угрозой, и под угрозой было ее положение как первой державы мира. Она должна была подтвердить свое доминирующее положение в Южной Африке, в то время как для нас вопрос стоял иначе – все или ничего. Англия преуспела в том, что смогла обставить все отношения с иными правительствами таким образом, что никакое вмешательство не стало возможным.

Помощь к Ледистмиту подошла 28-го февраля, в день Маюбы, который в наших календарях был отмечен как праздничный. В течение девятнадцати лет враг стремился стереть воспоминание об этом дне, и, наконец, сделал это так блестяще. С этого времени мы были оскорблены и унижены. Наше падение было полным. Впервые была общая паника. Обе республики, бросившие рискованный вызов сильнейшей монархии, почувствовали, что почва колеблется у них под ногами.

IV. Деветсдрифт – Возвращение к нему и отступление от него – Претория

После снятия осады с Кимберли и Ледисмита мы решили, что скоро начнутся решающие сражения. Хотя мое коле-

но еще не было вылечено, я отправился в Гленко, куда отступили наши коммандо. Я отсутствовал пять дней, потому что был не в состоянии нести военную службу. Затем я снова отправился в Уормбад, где провел несколько недель с господином бергмейстером Потгитьером и его семьей, и, вернувшись в Преторию, оставался в своем офисе до начала мая.

Тем временем Фриц возвратился из Оранжевой республики, а мое колено было вылечено. Мы купили по крепкому пони и вместе с другими бюргерами отправились поездом до Клерксдорпа, откуда пошли к Деветсдорпу на реке Вааль. Там генерал Вильжуэн с несколькими сотнями бюргеров охранял брод. Оттуда мы на расстояние в четыре-пять часов пути углублялись на территорию Свободного государства, чтобы следить за движениями врага.

От Деветсдрифта мы под началом команданта Бошоффа отправились к Шумансдрифту, Вентерскруну и Линденкдрифту. Наше отделение было частью охраны орудий. Маршрут проходил по красивым местам. Вааль извивался между двумя высокими горами, напоминая сделанную англичанами дорогу, идущую между двух рядов фургонов, в роли которых были холмы Хугевельд. В каждом месте, где горы расступались, находилась ферма, представлявшая собой небольшой дом, окруженный ухоженными полями. Почти в каждой ферме горевали хотя бы об одном из родственников,

попавших в плен вместе с Кронье, о судьбе которого они не знали. Принимали нас очень приветливо. Везде нам давали молоко и хлеб, и мы думаем, что эти люди были самыми добрыми из тех, кто пострадал от войны.

Поскольку враг был уже на пути к Иоганнесбургу, мы должны были отступить настолько быстро насколько возможно, сначала к Бэнк Стэйшн, около Почефструма, и затем поездом к Ланглаагту. К северо-западу от Иоганнесбурга у нас случилась перестрелка с врагом, который напал на нас, когда мы кормили лошадей. Очевидно, наша охрана не исполняла своих обязанностей. Я никогда не видел, чтобы лошадей седлали так быстро. Большинство бюргеров поскакали прочь и оставили нас с оружием. Один фургон с боеприпасами увяз в грязи и был оставлен, но был потом доставлен в полной сохранности в Преторию моим товарищем Францем Лоттерингом, который специально вернулся за ним с несколькими артиллеристами, когда все остальные сбежали. За свою храбрость Лоттеринг получил саблю от генерала де ла Рея. Из-за ошибок наших офицеров в этот раз мы потеряли одно оружие, несколько фургонов и несколько человек.

Почти всю ночь напролет мы отступали с нашим оружием к Претории. Мы не утратили храбрости. Все мы говорили о том, что наше правительство укрепит Преторию, и в большом сражении, которое там произойдет. Все считали, что столи-

цу будут упорно оборонять. Какое же разочарование нас постигло, когда оказалось, что правительство решило не оборонять город! Причины этого решения будут обнаружены историками. Последствием же было то, что многие буры были деморализованы и разъехались по домам, и большое сражение так и не состоялось.

Фриц и я решили дать нашим лошадям отдых на несколько дней перед новым походом навстречу врагу.

4 июня, около двенадцати часов, в то время как мы завтракали, лиддитовый снаряд упал близко к форту, подняв облако пыли. Моя мать вышла наружу и быстро вернулась, чтобы сказать нам, что это не был выстрел не со стороны форта, но со стороны врага. Снаряды падали один за другим. Они пролетали над фортом Шанцкоп, и падали рядом с нашим домом в Саннисайде. Поскольку почва была каменистой, взрывались они хорошо. Моя мать и сестра сбежали с нашими соседями в город, а мой брат и я оседлали наших лошадей и оправились к Кваггаспоорту.

Снаряды летели из-за гор, на южную часть города, как ласковое предупреждение от хаки, что будет лучше сдаться, чтобы избежать большого бедствия.

Было грустно смотреть на то, как мало лошадей было у

подножия горы. Здесь четыре, там десяток – явный признак того, что количество бюргеров на позициях было очень небольшим. Когда враг появился в Кваггаспоорте, мы заметили, что бюргеры с направления Крокодайл-Ривер отступили, и мгновение спустя все они уже бежали. Один из моих товарищей, брат Лоттеринг, был ранен в руку осколком снаряда во время отступления и должен был остаться в Претории. Ту ночь мы с братом провели в нашем собственном доме, но оставили город следующим утром и ушли в направлении Сильвертона как раз перед появлением врага.

Надо было самому там оказаться, чтобы понять состояние государства и характер бюргеров.

Поскольку столица была в руках врага, было достаточно легко убедить наших бесхитростных людей в том, что наша страна безвозвратно нами потеряна. Поэтому последовал период уныния и деморализации. Много бюргеров, из тех, кто все это время смело сражался, теперь оставались в городах или на своих фермах, не осмеливаясь оставлять жен и дочерей во власти солдат. Мы, не можем их судить, но сами мы, из чувства долга или страсти к приключениям, действовали по-другому. Некоторые говорили, что правительство продавалось, война должна была быть остановлена, и что буры не желают сражаться. Так они изменили не только стране, но и тем, с кем начали воевать. Те буры, которые решили добро-

вольно сдать, получили прозвище «руки вверх». Так зерно было отделено от мякины: трусы и предатели остались, а желающие продолжать войну пошли в вельд, хотя и продолжая отступать. Мы были настроены очень оптимистически. В районе Лиденберга наши все еще удерживали хорошие позиции, и мы слышали о том, что де Вет перерезал коммуникации англичан в их тылу. Железнодорожная линия к заливу Делагоа тоже была в наших руках.

Мой с братом встретили нашего старого товарища Франца Лотеринга, и втроем отправились на поиски генерала Гроблера из Ватерберга, который со своим командо находился на восток от Претории в Франспоорте, рядом с Донкерхоком. Там мы присоединились к его командо. Наш лагерь был разбит около селения кафров, и поскольку отношения с ними были нормальными, мы часто покупали у них вареные бататы и кукурузу.

Ничего особенного там не случилось. Справа и слева от нас в течение нескольких дней происходили упорные сражения, было ожесточенное сражение и в Донкерхоке, но на нас никто не нападал.

Когда поступили новости, что враг прорвался через наши линии в Донкерхоке и что мы должны были отступить, мой брат и я оставили командо Гроблера. Решив, что командо

отступило бы на позиции у Белфаста, мы пошли в Мидделбург к нашему дяде, миссионеру Яну Марэ, чтобы дать отдых нашим лошадям. Мы потеряли из виду нашего товарища Франца. По пути мы покупали хлеб на фермах, или нам его просто давали, отрезая кусок мяса от вола, который был зарезан для коммандо, а спали мы в стойлах для скота или просто под открытым небом холодного Хугевельда. Мидделбурга мы достигли сильно уставшими и никогда не забудем гостеприимство нашего дяди.

Мы случайно встретили нашего прежнего командира, Бошоффа, который сказал нам, что с десятью людьми идет, чтобы присоединиться к генералу де ла Рею, который пошел в направлении Рустенбурга, чтобы перерезать коммуникации врага между Мэйкингом и Преторией, и мы очень охотно присоединились к нему после прекрасного десятидневного отдыха.

Коммандо команданта Бошоффа состояло из девяти бюргеров с санитарным фургоном, который использовался для снабжения и для нашего ночлега, французского доктора, двух кафров и двух палаток. Казалось, как будто мы шли на пикник. Но было необходимо предусмотреть все, потому что наш маршрут проходил через Бушленд, где летом лихорадка и прочие болезни убивают людей и лошадей. Зимой там спокойнее только в течение нескольких месяцев, по-

этому эта территория почти не населена, и лишь зимой там появляются буры, которые пригоняют туда скот из холодного Хугевельда. Я всегда хотел увидеть эту часть Трансвааля.

V. Поход от Мидделбурга до Растенбурга – Сражение при Селикатснеке

В нескольких часах пути к северу от Мидделбурга, высокое плато бушвельда внезапно обрывается и начинается труднопроходимая дорога, которая, постепенно понижаясь, проходит между двумя высокими горами, пока не достигает широкой, поросшей густым лесом долины. В ущелье река с быстрым течением в нескольких местах пересекает дорогу, идущую попеременно по разным ее берегам, пока эта река не впадает в Олифантс-ривер. Там можно слышать пение множества птиц, которые не встречаются в Хугевельде, и там намного теплее, чем в холодном Хугевельде. Вечерами мы разводили большие костры, потому что рядом было много сухой древесины. Мы сидели вокруг костра, болтая или слушая веселые песни, которые пели наши товарищи. Это было счастливое время – далеко от хаки, далеко вне досягаемости рева орудий – время отдыха в подготовки к ожидавшим нас суровым дням.

Всюду мы видели стада овец и крупного рогатого скота, пасущихся среди кустарников – верный признак того, что где-то рядом, под ближайшими деревьями, находится фургон или два. Иногда в удобных местах находились неболь-

шие лагеря трек-буров, или, скорее, их семей, потому что мужчины ушли на войну. Буров, которые покинули фермы, уведя с собой свои стада, мы прозвали «уланами из буша». Мы догнали де ла Рея около Эландс-Ривер, и познакомились там с разведчиками капитана Кирстена, которым предложили свои услуги. Быть разведчиком в то время было очень здорово. Когда мы шли на разведку, у наших лошадей был в достатке фураж, а мы, поскольку шли впереди отряда и в небольшом числе, всегда получали яйца, хлеб и молоко. Без дела мы не сидели, потому что приходилось постоянно вести наблюдение, и мы всегда подвергались опасности, но патрулей хаки не боялись, потому что они, малочисленные и без артиллерии, опасности для нас не представляли. Мы двигались почти параллельно Магалисбергу от Претории до Рас-тенбурга, пока не попали в окрестности Селикатснека. Тот, кто не знает всех дорог и тропинок в этой местности, рискует заблудиться – колючие кустарники там простираются на десять миль. Основные проходы через Магалисберг были заняты врагом – Вондербоомпоорт, Хорнснеком, Селикат-снек, Коммандонек, Олифантснек. Генерал де ла Рей решил захватить Селикатснек и 11 июля он это сделал, поскольку имел решимость и талант полководца.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.